ВОЛЯ.

(Изъ воспоминаній о горнозаводской жизни на Уралѣ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія).

Я РОДИЛСЯ горнозаводскимъ, казеннымъ, подневольнымъ человѣкомъ. Дѣтскіе годы моей жизни и окружавшая меня въ то время среда такъ глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, что я помню всѣ мелочи этой жизни день за днемъ, какъ будто все это происходило вчера, а не 45 лѣтъ тому назадъ.

Первый сознательный и уже ясно памятный годъ моей жизни наступилъ для меня въ 1854 году, во время Севастопольской войны. Тяжелое это было время для народа. Частые рекрутскіе наборы, отправки партіями молодыхъ сыновей на мѣсто военныхъ дѣйствій угнетали скорбью горько плакавшихъ матерей, провожавшихъ дѣтей своихъ въ незнакомую дальную сторону подъ шальныя пули и ядра и не менѣе опасныя разнаго рода повальныя болѣзни. Свадьбы въ простомъ народѣ стали рѣдкимъ явленіемъ въ то время. Но было, однако, много и охотниковъ попытать счастья на войнѣ, избавившись въ то же время отъ тяжелой казенной подневольной заводской работы. Охотники эти записывались въ ополченцы и шли къ мѣсту военныхъ дѣйствій чуть ли не тысячными толпами въ сѣрыхъ казенныхъ халатахъ и высокихъ сапогахъ безъ всякаго оружія и военнаго строя. Все это были уже люди въ зрѣломъ возрастѣ, бездѣтные вдовцы и одинокіе бобыли. Въ одной изъ такихъ партій ополченцевъ, въ жаркій лѣтній день, по пыльной дорогѣ провожалъ я своего крестнаго отца, мастерового съ золотыхъ пріисковъ, бездѣтнаго вдовца Егора Конюхова. Беззаботный и весе-

лый онъ былъ человѣкъ и большой мастеръ пѣть пѣсни. И въ этотъ разъ онъ былъ впереди всей партіи ополченцевъ съ другими пѣсенниками и запѣвалъ своимъ звонкимъ теноркомъ то безконечно веселую, то грустную тягучую русскую пѣсню. Проводивши его версты за двѣ отъ завода, я простился съ нимъ и болѣе уже съ тѣхъ поръ не только не видалъ его, но и не слыхалъ ничего о постигшей его участи на войнѣ.

I.

Отецъ мой тогда служилъ приказнымъ въ заводской полиціи на одномъ изъ заводовъ Златоустовскаго округа, въ званіи урядника 3-й статьи, и получалъ 62 коп. въ мѣсяцъ жалованья, съ прибавленіемъ къ этому изъ казеннаго магазина пайка — двухъ пудовъ ржаной муки для себя и столько же для матери. Я, какъ малолѣтній, этимъ провіантомъ еще не пользовался. При такихъ средствахъ жить, конечно, было не легко, да, пожалуй, и не возможно, если бы дѣды мои, отца и матери родители, общими средствами не пріобрѣли намъ на окраинѣ завода деревяннаго домика въ два окна, съ огородомъ и банею при немъ, да не дали бы на разживу корову и лошадь. А при этомъ маленькомъ хозяйствѣ, съ курами да овцами въ придачу, концы съ концами при усиленномъ трудѣ сводить было можно. Незабвенный не только для меня, но и для всѣхъ русскихъ, 1856-й годъ, по случаю прекращенія войны, вслѣдствіе дарованнаго Царемъ-Освободителемъ мира, засталъ меня уже семилѣтнимъ мальчуганомъ въ заводской школѣ, т.-е. вполнѣ уже казеннымъ человѣкомъ, состоящимъ на службѣ и получающимъ за треть года 15 коп. жалованья. Вечеръ въ нашемъ заводѣ 26 августа въ томъ же 1856 году, въ день коронованія покойнаго императора Александра II, съ блестящею иллюминаціею и тріумфальными воротами на заводской плотинѣ, обставленной плошками съ разноцвѣтными фонариками на воротахъ, — остался памятенъ мнѣ до сей поры моей жизни, и сейчасъ воспоминанія о немъ поднимаютъ въ душѣ моей самыя радостныя и чистыя въ ту пору дѣтства чувства. Толпы мастеровыхъ съ веселыми лицами тѣснились около плотины, такъ какъ за тріумфальныя ворота заводская полиція ихъ не пускала, и тамъ гуляли только горные инженеры съ своими женами. Время отъ времени раздавалось громкое ура, и ликованіе толпы особенно усилилось, когда на обступающихъ заводъ высокихъ Ильменскихъ горахъ зажглись въ разныхъ мѣстахъ смоляныя бочки. Пламя ихъ ярко озарило гладкую поверхность обширнаго заводскаго пруда и освѣтило красноватымъ свѣтомъ весь заводъ. Мнѣ было очень весело, несмотря на то, что мои босыя ноги страдали отъ ночного холода.

Съ этого же времени и служебная карьера моего отца вдругъ измѣнилась къ лучшему. Онъ за расторопность и аккуратность по службѣ переведенъ былъ изъ полиціи въ поденные надзиратели. Все это, конечно, зависѣло отъ заводскаго управителя, который незамѣтнаго полицейскаго писца вдругъ почему-то отличилъ отъ другихъ и далъ такое видное и отвѣтственное назначеніе.

Поденный надзиратель былъ непосредственный начальникъ надъ всѣми поденными рабочими въ заводскихъ мастерскихъ, распредѣлялъ между ними текущія работы по мастерскимъ — столярной, слесарной, кузнечной, а въ нашемъ заводѣ, сверхъ того, завѣдывалъ водяными мукомольною и лѣсопильною мельницами. Въ его распоряженіи были всѣ матеріалы для этихъ работъ, ему только одному извѣстенъ былъ весь расходъ на эти работы и получаемый отъ этихъ же работъ ежедневный матеріалъ для пополненія заводскаго инвентаря. Ему же одному хорошо были извѣстны и всѣ мастеровые завода съ ихъ способностями и слабостями въ работѣ, и его аттестація передъ заводскимъ управителемъ, властелиномъ всего этого заводскаго міра, имѣла громадное значеніе въ жизни рабочаго, такъ какъ отъ воли и произвола управителя зависѣла не только судьба мастерового, но и самая жизнь или смерть его, какъ это мы увидимъ ниже. Все это ставило поденнаго надзирателя въ положеніе полнаго хозяина въ заводскомъ мірѣ, а отсюда понятно и его значеніе для заводскаго населенія.

Твердо врѣзался мнѣ въ память тотъ ликующій видъ отца, когда въ день назначенія его поденнымъ надзирателемъ онъ возвратился со службы домой. Садясь въ тотъ день за обѣденный столъ, онъ ни слова не сказалъ матери объ этомъ назначеніи, а только во все время обѣда какая-то загадочная улыбка не сходила съ его лица. Пообѣдавши, онъ по обыкновенію забрался для послѣобѣденнаго отдыха на печь и, полежавши немного, вдругъ торжественно обратился къ матери съ вопросомъ:

— А знаешь ли ты, Маша, кто я теперь? не угадать ни за что!

— Развѣ ужъ не полицейскій письмоводитель, или, можетъ быть, жалованья прибавили?—съ любопытствомъ спросила мать.

— Что тамъ прибавка жалованья! Пустяки одни, а ты вотъ чему внимай: я теперь съ сегодняшняго дня поденный надзиратель!

— Что ты говоришь? Да неужели это правда? Мнѣ что-то даже и не вѣрится!—воскликнула мать.—Господи, наконецъ-то Ты сжалился надъ нами! Охъ, какое счастье, какое счастье! Да ужъ вправду ли въ самомъ дѣлѣ ты это сказалъ?

— И самъ себѣ не вѣрю, а выходитъ правда — я поденный надзиратель! Вотъ, мать моя, теперь и домишко можно пріобрѣсти, потихоньку, помаленьку, болѣе просторный, да и къ базару поближе.

— Еще бы! Поденный надзиратель—шутка ли сказать!—восторженно замѣтила мать.

Послѣобѣденный сонъ у отца окончательно пропалъ, и они пустились съ матерью въ разнаго рода мечтанія о будущей своей привольной жизни, о пріобрѣтеніи другого дома, давно уже намѣченнаго ими около самаго пруда, по сосѣдству съ базаромъ, съ чуднымъ видомъ изъ оконъ на прудъ и на возвышающіяся за нимъ исполинскія горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ, и о многомъ другомъ, казавшемся имъ теперь доступнымъ и привлекательнымъ въ жизни.

Услыхавши отъ отца неожиданную и радостную также и для меня новость, я выскочилъ на улицу и, припрыгивая козломъ, понесся къ кучкѣ мальчугановъ, игравшихъ въ бабки, чтобы сообщить имъ свою радость и предстоящую перемѣну въ нашей семейной жизни, предстоящую перемѣну дома на хорошей улицѣ противъ пруда и передать о предстоящемъ мнѣ хорошемъ и веселомъ житьѣ-бытьѣ въ самомъ центрѣ завода.

II.

Съ перемѣною служебнаго положенія отца и мое положеніе значительно измѣнилось.

Мнѣ сшили нанковый сюртукъ съ брюками и опойковые на косую колодку сапоги. По временамъ въ праздничные дни стали давать по двѣ, по три копейки денегъ на пряники. Школьные товарищи также стали относиться ко мнѣ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, такъ какъ у большинства изъ нихъ родители были простые мастеровые, сдѣлавшіеся теперь подначальными моего отца.

Съ этого времени, кромѣ мяса да муки, у насъ ничего не было купленаго: овощи, птица, домашняя скотина и другіе домашніе припасы — все было свое, а остальное приготовлялось на заводѣ рабочими изъ казеннаго матеріала, въ правильномъ расходованіи котораго никто никого не провѣрялъ. Всякій зналъ, что безъ этого заимствованія изъ казны ни одинъ заводскій служащій, при ничтожномъ его содержаніи, имѣя къ тому возможность, никогда не обходился. Такъ и отецъ пользовался своимъ положеніемъ: обзаводился всевозможными домашними принадлежностями: желѣзными ваннами, ведрами, чугунами, корытами, лопатами—мебелью и другимъ разнымъ скарбомъ, а потомъ началъ копить и деньги понемногу.

Главною доходною его статьею были такъ называемые окладчики. Это болѣе или менѣе зажиточные мастеровые, освобождавшіяся за извѣстный годовой окладъ отъ казенныхъ работъ и занимавшіеся какимъ либо своимъ ремесломъ на сторонѣ. Такіе окладчики, заплативши поденному надзирателю окладъ, положимъ, въ

размѣрѣ 25 рублей съ человѣка, зачислялись въ казенные поставщики извѣстнаго количества дровъ или бревенъ, или тесу, или другихъ какихъ либо матеріаловъ, необходимыхъ для потребностей завода и золотыхъ пріисковъ. Поденный надзиратель за такого окладчика доставлялъ своими средствами тѣ матеріалы, которые окладчикъ долженъ въ теченіе года сдать въ казну. Эта доставка для надзирателя была весьма выгодна, такъ какъ, завѣдуя всѣми этими матеріалами, онъ выводилъ ихъ въ расходъ для потребностей завода гораздо болѣе, чѣмъ ихъ расходовалось на самомъ дѣлѣ, и эти излишки затѣмъ показывалъ поступившими на приходъ въ пополненіе окладовъ. Иногда такихъ окладчиковъ у поденнаго надзирателя скапливалось до 70 человѣкъ въ годъ, и такимъ образомъ у него помимо всякихъ другихъ доходовъ получался цѣлый капиталъ, составлявшій прямую его доходную статью. Пользуясь всѣми этими благами отъ казны, отецъ не забывалъ и сирыхъ и голодныхъ, вдовъ и сиротъ заводскихъ мастеровыхъ. Помогалъ имъ и хлѣбомъ и другими необходимыми жизненными припасами. Давалъ взаймы деньги для поправки хозяйства какого нибудь незадачника, обремененнаго большимъ семействомъ. Одна-то вотъ изъ такихъ сирыхъ вдовъ, древняя старушка, не имѣвшая ни пріюта, ни родныхъ, бабушка Сальничиха, часто ходила къ намъ, занимала насъ, дѣтей, а насъ было тогда четверо: я, два брата и сестра моложе меня, разными разсказами о старинѣ. Любили мы слушать эти разсказы и всегда встрѣчали ее съ радостными лицами. Бабушка Сальничиха помнила еще «Пугача», будучи восьмилѣтней дѣвочкой. Много она поразсказала намъ различныхъ исторій изъ своей жизни и горнозаводской старины. Одна изъ этихъ исторій хорошо сохранилась въ моей памяти, и мнѣ хочется занести ее въ эти воспоминанія, какъ весьма ярко обрисовывающую прежній бытъ горнозаводскаго рабочаго. Вотъ она.

III.

Это было лѣтъ тридцать тому назадъ, начала бабушка. У меня еще старикъ былъ живъ. Жили мы тогда въ одномъ домѣ съ золовкою Ѳедосьею, вдовою, и ея сыномъ Николаемъ; по фамиліи они Бухариными прозывались. Хорошо мы жили въ то время—въ достаткѣ. Николай былъ искýсный слесарный мастеръ, молодой, красивый, ему въ то время было не болѣе 21 года. На хорошемъ счету былъ онъ и у ближайшаго начальства. Всѣ мы его любили и нарадоваться на него не могли и только что было собрались его поженить на одной красивой и работящей дѣвушкѣ Пашѣ, приглянувшейся ему, да и она поглядывала на него съ краскою въ лицѣ, какъ стряслась съ нашей семьей бѣда нежданная. Управитель въ то время у насъ на заводѣ былъ какой-то нѣмецъ. Фамиліи его я

совсѣмъ не знала, помню только, что мужики его «Раздерой» звали. Настолько этотъ Раздера былъ золъ и жестокъ, что ни одного дня не проходило, чтобы онъ послѣ обхода утромъ по работамъ кого нибудь не отодралъ вицами (розгами), а дралъ нещадно до безпамятства. Часто даже и приказныхъ стегалъ (сѣкъ). Возьметъ, бывало, смѣститъ виновнаго изъ столоначальниковъ или письмоводителей, отстегаетъ да и опять на то же мѣсто посадитъ.

Случилось какъ-то разъ, что у двери управительскаго кабинета попортился замокъ. Для исправленія этого замка, какъ лучшаго слесаря, послали въ управительской домъ Николая. Въ то время, какъ Раздера завтракалъ въ другой комнатѣ, Николай, починивши замокъ у кабинета, снова вернулся въ слесарную и принялся за своей неоконченный урокъ, заданный ему на этотъ день. Позавтракавши, управитель вошелъ въ кабинетъ и, не нашедши на письменномъ столѣ оставленнаго имъ кошелька съ только что намытымъ золотомъ, припрятаннымъ для себя, тотчасъ же зашагалъ въ слесарную мастерскую, вполнѣ увѣренный въ томъ, что кошелекъ съ золотомъ похитилъ Николай. Все это намъ потомъ разсказывалъ тихомолкомъ товарищъ Николая по слесарной мастерской.

При появленіи управителя не въ урочный часъ, съ побѣлѣвшимъ отъ злобы лицомъ, рабочіе остолбенѣли отъ испуга, и каждый ждалъ, надъ кѣмъ изъ нихъ разразится какая-то неожиданная гроза.

— Бухаринъ!—крикнулъ управитель:—сознавайся сейчасъ же и подавай сюда похищенный у меня со стола кошелекъ, а то запорю до смерти!

Николай, дрожа отъ страха, повалился управителю въ ноги, увѣряя, что никакого кошелька на столѣ у него въ кабинетѣ онъ не видалъ и не бралъ.

— Разложить его! — приказываетъ Раздера рабочимъ.

Засвистали розги, раздались стоны ни въ чемъ неповиннаго Николая... По временамъ управитель останавливалъ дерущихъ и снова начиналъ допросъ о кошелькѣ, послѣ чего опять продолжался свистъ розогъ. Такъ повторялось нѣсколько разъ, и кончилось, наконецъ, тѣмъ, что стоны Николая совсѣмъ затихли. Такъ онъ и душу Богу отдалъ, нашъ болѣзный, подъ этими розгами.

— Довольно! — опомнившись, наконецъ, проговорилъ управитель уже тихимъ голосомъ.— Убрать его!—кивнулъ онъ головою на тѣло Николая и крайне недовольный направился обратно домой.

А дѣло насчетъ кошелька-то съ золотомъ въ тотъ же день совсѣмъ иначе объяснилось. Жена управителя, увидавши валявшійся на столѣ кошелекъ, отъ соблазна прислуги подобрала его еще до прихода Николая и спрятала въ одинъ изъ ящиковъ стола, не сказавши ничего объ этомъ мужу.

— Эхъ! почему жъ ты мнѣ объ этомъ не сказала во время?— огорчился управитель.—Не зная ничего, я изъ-за этого несчастнаго кошелька человѣка задралъ до смерти!

Прислалъ сейчасъ же за Ѳедосьей, которая совсѣмъ обезумѣла отъ горя, лишившись послѣдней опоры въ жизни. Далъ ей 25 рублей ассигнаціями и пригрозилъ, что, если она не будетъ молчать о причинѣ смерти ея сына, то онъ туда ее упрячетъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Такъ тѣмъ дѣло и кончилось,—куда же бѣдной старухѣ итти съ жалобой на управителя? И пошла побираться Христовымъ именемъ до самой своей смерти. Мы со старикомъ объ этой самой причинѣ смерти Николая тоже и рта разинуть не смѣли, иначе цѣлы бы тоже не остались. Такъ закончила бабушка свой разсказъ.

IV.

Въ столярной мастерской у меня былъ пріятель Матвѣй Густовъ, съ которымъ я сильно сдружился за его тихій и добрый нравъ, за услужливость и главнымъ образомъ за то, что онъ постоянно мнѣ починивалъ гармоники, которыхъ я, какъ отчаянный музыкантъ, ломалъ немало. Отецъ, будучи большимъ любителемъ музыки, на покупку мнѣ гармоній денегъ не жалѣлъ. Исправлялъ ихъ Матвѣй, которому въ то время было не болѣе 19 лѣтъ, въ самомъ наилучшемъ видѣ. А какіе чудные онъ мнѣ самострѣлы изготовлялъ — просто прелесть, прямо въ восхищеніе приводилъ меня ими. Да и самого его видимо забавляло удачное устройство самострѣла. Самый самострѣлъ, бывало, состоящій, вмѣсто ружейнаго дула, изъ желоба для стрѣлы, затѣмъ приклада, язычка у него, или курка, — сдѣлаетъ совсѣмъ почти похожимъ на настоящее ружье; лукъ загнетъ изъ упругой и гибкой черемухи, тетиву натянетъ на немъ изъ голландскаго тонкаго шнурка, все это придавало самострѣлу силу и дальнобойность. А, благодаря правильно выстроганной стрѣлѣ съ свинцовымъ наконечникомъ, выстрѣлъ изъ такого самострѣла былъ довольно мѣтокъ и опасенъ для пернатыхъ. Вотъ такимъ-то самострѣломъ я и услаждалъ свои охотничьи наклонности за голубями и воробьями. Ни у кого у насъ на заводѣ никогда не бывало такихъ самострѣловъ, какіе были у меня, благодаря Матвѣю. Нечего и говорить, что за все это я очень и очень полюбилъ Матвѣя Густова, и дружба наша съ нимъ, несмотря на разницу лѣтъ между нами, все болѣе и болѣе крѣпла въ теченіе уже болѣе двухъ лѣтъ. Матвѣй за все это время одинаково былъ ласковъ со мной, разговорчивъ и охотно исполнялъ всѣ мои прихоти.

Но вотъ съ нѣкотораго времени я сталъ замѣчать, что пріятель мой что-то сталъ задумываться, говорилъ мало и дѣлалъ все какъ-то спустя рукава. Бывало, наблюдая за его работой, ясно замѣчалъ своимъ дѣтскимъ глазомъ, что не о томъ Матвѣй думаетъ, какая работа въ рукахъ его находится, а о чемъ-то другомъ. Однимъ словомъ мой Матвѣй въ продолженіе какого нибудь мѣсяца сталъ для меня мало понятнымъ и на себя не похожимъ.

— О чемъ ты это, Матвѣй, все думаешь? — спросилъ я его однажды.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, Егорушка, скучно стало одному-то жить въ домѣ. Придешь съ работы домой, и слова сказать не съ кѣмъ. Марька, моя сестренка, тоже еще не хозяйка въ домѣ, дѣвчонкѣ всего двѣнадцать годовъ, хочется еще съ товарками бѣгать да играть на улицѣ. Изба у меня хорошая и дворъ съ огородомъ, а изъ родни въ живыхъ только осталась одна Марька. Такъ, вишь ты, пришло мнѣ на умъ жениться, только не знаю, какую мнѣ по себѣ подходящую дѣвку подыскать, которая бы любила меня, да берегла мое хозяйство и Марьку бы не обижала. Вонъ, Дуня Карабатова — дѣвка бойкая, работящая, и шибко она приглянулась мнѣ, да мать у нея ужъ больно супротивная и жадная до всего.

Зналъ я эту Дуню и мать ея, слава о нихъ на заводѣ была очень не хорошая. Про Дуню говорили, что она постоянно съ милишами (любовниками) таскается, а мать у нея — воровка.

— А по-моему,—замѣтилъ я,—хоть и матери не будь, Дуня все-таки тебѣ не подходящая жена, она, самъ ты говоришь, дѣвка бойкая, а ты вонъ какой тихій да добрый. Загонитъ она тебя въ щель.

Такъ урезонивалъ я Матвѣя, желая предостеречь его отъ такой женитьбы. Ничего не отвѣтилъ мнѣ на это Матвѣй, а, махнувши рукой, пошелъ улаживать телѣгу для сѣнокоса. Не за горами былъ уже и Петровъ день. Погода стояла ясная и жаркая, трава въ горахъ созрѣла. Началась, наконецъ, и заводская страда, т.-е. сѣнокошеніе, а вмѣстѣ съ этою страдою начались и заводскія помочи для болѣе скорой и успѣшной уборки сѣна. Многолюдно, шумно и весело бывало на этихъ помочахъ. Убравшись съ покосомъ обыкновенно къ солнцезакату, помочане идутъ съ граблями и вилами на пирушку къ хозяину убраннаго покоса, напѣвая веселыя пѣсни. Молодые парни, заигрывая съ дѣвками, перекидываются между собою шутками и остротами. Но вотъ и дворъ хозяина съ накрытыми и уставленными всякою снѣдью столами. Помочь садится вокругъ этихъ столовъ, хозяинъ съ хозяйкой обносятъ помочанъ пивомъ и водкой, и начинается далеко за полночь веселый и шумный пиръ послѣ трудового жаркаго дня. На одной-то изъ такихъ помочей Матвѣй окончательно увлекся бойкою и безшабашною Дунею Карабатовою, засваталъ ее и передъ Успенскимъ постомъ сыгралъ свадьбу.

Мои дружескія отношенія съ нимъ не прекращались, и я изрѣдка бывалъ у нихъ. Дуня была со мною очень ласкова, мать ея я очень рѣдко заставалъ дома, и она почти никогда со мною не разговаривала, вѣчно чѣмъ-то озабоченная и недовольная. Марька немного притихла и не такъ ужъ громко и беззаботно заливалась смѣхомъ, какъ это было прежде. Иногда я у нихъ засиживался по

вечерамъ, особенно наканунѣ праздниковъ послѣ всенощной, когда вечеръ былъ у меня свободенъ отъ школьныхъ уроковъ. Но черезъ полгода семейная картина ихъ жизни сильно измѣнилась. Дуни часто не бывало дома, Матвѣй сдѣлался угрюмъ, не разговорчивъ и постоянно изъ-за какихъ нибудь мелочей ссорился съ тещей. Въ воскресные дни раза два я встрѣчалъ у нихъ въ гостяхъ молодого и браваго фельдфебеля мѣстнаго гарнизона, но не обращалъ на него особеннаго вниманія и какъ-то безсознательно сторонился отъ него. Особенно непріятна мнѣ была его развязность и снисходительное его обращеніе съ Матвѣемъ. Послѣдній видимо старался держаться въ сторонѣ не только отъ фельдфебеля, но и отъ жены и отъ тещи, находя себѣ и по праздникамъ какую нибудь работу по дому.

Былъ конецъ мая. Рыбная ловля на удочку ельцовъ, чебаковъ, окунишекъ, у насъ на пруду съ плотовъ и съ лодокъ была въ полномъ разгарѣ. Я до того увлекался этою рыбною ловлею, что часа по три, по четыре къ ряду простаивалъ босикомъ, засучивши панталоны, съ удочкой на плоту противъ нашего дома, и иногда удавалось мнѣ приносить домой болѣе полведра разной мелкой рыбешки, которую мать тотчасъ же чистила и на желѣзномъ листѣ ставила въ печку сушить, послѣ чего эта мелкая рыбешка пріобрѣтала довольно пріятный вкусъ и служила намъ лакомствомъ.

Въ одно воскресное изъ этихъ майскихъ дней утро я стоялъ по обыкновенію на плоту, погруженный въ свою рыбную ловлю. Тутъ мало-по-малу собралась цѣлая толпа бабъ и дѣвокъ, кто за водой, кто съ постирушкой, а кто и просто побалагурить отъ нечего дѣлать, такъ какъ на плоту узнавались всѣ заводскія новости.

Пришла тутъ же и старая дѣвка «Титовна» съ коромысломъ и ведрами на плечахъ, которой всегда извѣстна была вся подноготная заводской жизни.

— Слышали, бабоньки,—начала она,—Дунька-то Густова опять завела себѣ милиша, съ фельдфебелемъ, говорятъ, связалась. Вотъ безстыжая-то баба, добро бы дѣвка была, а то отъ мужа милиша заводить вздумала!

— Матвѣя-то больно жалко, — замѣтила одна изъ бабъ,—мужикъ-то онъ смирный да работящій, а ему навязалась такая непутящая жена.

— А и самъ виноватъ,—сказала Анна Пономарева:—развѣ онъ не зналъ, кого замужъ бралъ?

— Кого бралъ? вѣстимо, дѣвку,—возразила та же баба.—Вѣдь у Дуньки хоть и много было милишей, да все-таки въ дѣвкахъ-то она не родила ни одного ребенка.

Слушая эти разговоры, я подумалъ: а что, если все это правда? А похоже на то. Эхъ, Матвѣй, Матвѣй! не послушалъ ты меня тогда, взялъ за себя не пару, вотъ и майся съ ней вѣкъ-то свой.

Вечеромъ я побѣжалъ къ Матвѣю взглянуть на него и убѣдиться, правду ли болтали бабы на плоту. Я засталъ Матвѣя одного на дворѣ, удѣлывающаго огородныя ворота, такъ какъ въ это время на огородахъ высоко поднялся и зазеленѣлъ всякій овощъ.

— Здравствуй, Матвѣй. Какъ поживаешь? Давно я тебя не видалъ,—привѣтствовалъ я его.

— Здравствуй, Егорушка. Отчего тебя въ самомъ дѣлѣ долго не было видно на нашемъ дворѣ? А я, братъ, больше все одинъ дома. Жена по цѣлымъ днямъ гуляетъ, отъ дому совсѣмъ отбилась, а теща ей потакаетъ да со мной грызется. Просто не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій.

При этихъ словахъ лицо его приняло безнадежно-угрюмое выраженіе. Мы молча постояли другъ противъ друга, я печально посмотрѣлъ на него и, не найдя для утѣшенія подходящихъ словъ, также молча простился съ нимъ и побрелъ въ раздумьѣ домой.

А на другой день вотъ что случилось съ Матвѣемъ, какъ онъ потомъ давалъ свои показанія на судѣ.

Вспомнилъ онъ, отбывая свой казенный урокъ въ столярной, что въ огородѣ у него еще тычинки къ гороху не поставлены, а ужъ поставить ихъ было пора, а то горохъ перепутается. Чтобы выиграть побольше времени, даваемаго рабочимъ на обѣдъ отъ 12 до 1 часу дня, Матвѣй, по его словамъ, усиленно принялся за работу и окончилъ свой урокъ за полчаса до 12 часовъ и поспѣшилъ домой. Здѣсь проулкомъ онъ прошелъ прямо къ себѣ на зады и перелѣзъ около бани черезъ заборъ прямо въ огородъ, чтобы не терять лишняго времени для обхода дворомъ и до обѣда разставить тычинки. Подошедши къ тому углу огорода, гдѣ стояли тычинки, онъ услыхалъ на дворѣ говоръ и, взглянувши въ щель забора, увидалъ свою жену, любовно бесѣдовавшую подъ сараемъ съ фельдфебелемъ. Увидавши такую картину, не вытерпѣлъ Матвѣй, толкнулъ изъ всей силы ногой огородныя ворота и кинулся на фельдфебеля, но послѣдній успѣлъ выскочить за ворота на улицу, жена съ испугу или со страху за своего милиша безъ памяти упала на землю, а теща старуха, выскочивъ изъ избы, бросилась съ кулаками на Матвѣя, неистово крича: «Ты, злодѣй, загубилъ мою дочь!» Не помня себя отъ гнѣва противъ этой ненавистной для него старухи, онъ очутившимся въ его рукахъ неизвѣстно откуда полѣномъ со всего размаху ударилъ ее по головѣ, и она замертво упала на землю около своей дочери, а онъ, Матвѣй, опрометью бросился со двора въ полицію заявить о случившемся.

Таково его судебное показаніе, вполнѣ ли оно справедливо,—судить объ этомъ не могу. Когда же полиція въ лицѣ кварталь-

наго надзирателя и казаковъ прибыла на дворъ Густова, то ужаснулась представившейся ей картинѣ: на землѣ лежала съ разбитымъ черепомъ тещa Густова, а не далеко отъ нея подъ повѣтями висѣла на опоискѣ дочь ея Дуня. По поводу этого послѣдняго обстоятельства на допросѣ въ горномъ военномъ судѣ Матвѣй говорилъ: «Какъ жена моя Авдотья очутилась въ петлѣ, не могу и самъ понять; я оставилъ ее тогда лежавшей подъ сараемъ на землѣ безъ памяти и пальцемъ до нея не дотрогивался».

Несмотря на несложность этого дѣла съ юридической стороны, въ виду отсутствія какихъ бы то ни было свидѣтелей-очевидцевъ происшествія и полнаго сознанія самого Матвѣя, тѣмъ не менѣе судъ надъ нимъ затянулся почти на цѣлый годъ, благодаря тогдашней судебной процедурѣ, и только къ слѣдующему послѣ убійства лѣту вышелъ ему приговоръ. Матвѣй былъ присужденъ къ 400 ударамъ шпицрутеновъ и затѣмъ къ каторжнымъ работамъ, а на какой срокъ—теперь припомнить не могу.

День казни назначенъ былъ въ концѣ мая. Вѣсть объ этомъ быстро облетѣла весь заводъ, дошла и до меня, бывшаго маленькаго друга Матвѣя. Страшно и жутко мнѣ было представить наказаніе его бѣднаго черезъ шпицрутены, тѣмъ болѣе, что въ моихъ глазахъ онъ былъ правъ во всемъ, а виноваты были въ его несчастьѣ тещa и жена его Авдотья да бравый фельдфебель.

Нужно замѣтить, что въ то время на горныхъ заводахъ другого тѣлеснаго наказанія, связаннаго съ уголовнымъ преступленіемъ, кромѣ шпицрутеновъ, не существовало, такъ какъ горнозаводское населеніе было на военномъ положеніи и наказывалось за уголовныя преступленія шпицрутенами черезъ солдатъ.

Помню, день казни Матвѣя былъ теплый и солнечный; его привели тогда угнетеннаго въ арестантскомъ одѣяніи на базарную площадь, гдѣ выстроены были улицей въ два ряда солдаты по 50 человѣкъ на каждой сторонѣ, съ длиннымъ, около трехъ аршинъ, въ правой рукѣ у каждаго солдата прутомъ изъ тальника. Эта постановка солдатъ называлась въ народѣ «зеленою улицею».

Вотъ по этой-то зеленой улицѣ Матвѣю предстояло пройти съ привязанными къ прикладамъ двухъ ружей руками, съ обнаженной спиной, впередъ и обратно, цѣлыхъ четыре раза. А между тѣмъ, говорятъ, бывали случаи, что солдаты по внушенію начальства забивали преступниковъ до смерти только съ 300 ударовъ. Это выпадало на долю тѣхъ несчастныхъ, которые во время производства суда надъ ними дѣлали попытки къ побѣгу изъ острога и тѣмъ причиняли безпокойство, а иногда и большія непріятности, сопряженныя со строгимъ наказаніемъ, отбывавшимъ караулы у острога солдатамъ.

Матвѣй былъ смирный и покорный арестантъ, и его какъ солдаты, такъ и начальство полюбили за его тихій нравъ, и это послужило ему спасеніемъ отъ безпощаднаго наказанія.

По приводѣ Матвѣя на площадь, гдѣ, кромѣ отряда солдатъ, собралась уже огромная толпа народа, былъ прочитанъ при полнѣйшей тишинѣ приговоръ. Затѣмъ съ осужденнаго былъ снятъ арестантскій халатъ и рубашка. Докторъ освидѣтельствовалъ состояніе его здоровья относительно пригодности такового къ предстоящему наказанію. Затѣмъ офицеръ скомандовалъ: «подать ружья и нагрудникъ». Нагрудникомъ тотчасъ же повязали грудь Матвѣю. Полицеймейстеръ приказалъ ему оправиться и дать руки для привязки ихъ къ двумъ поданнымъ сложеннымъ крестъ на крестъ двумя солдатами ружейнымъ прикладамъ. Матвѣй перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны народу и протянулъ руки къ прикладамъ ружей. Видя все это, я не могъ удержаться и зарыдалъ, захныкали вслѣдъ за мною и многія бабы, хорошо знавшія Матвѣя и его покойную жену.

Раздался барабанный бой, а вслѣдъ за нимъ и стоны Матвѣя, шедшаго въ сопровожденіи впереди двухъ солдатъ съ привязанными къ прикладамъ ружей руками по зеленой улицѣ. Время отъ времени Матвѣй вскрикивалъ: «помилосердствуйте!»—вѣроятно, послѣ сильнаго удара кого либо изъ солдатъ. Когда онъ прошелъ такимъ образомъ первый конецъ, и на возвратномъ пути его казни я увидѣлъ его окровавленную спину, то, не въ состояніи уже выносить этого зрѣлища, я съ громкимъ плачемъ бросился бѣжать, не оглядываясь, домой. Долго не могъ я успокоиться отъ вида такой картины, представившейся мнѣ въ первый разъ въ моей жизни. Нервы мои были сильно потрясены; въ ушахъ долгое время раздавался свистъ прутьевъ и стонъ Матвѣя, а передъ глазами мелькала его окровавленная спина.

При такихъ-то обстоятельствахъ я видѣлъ въ послѣдній разъ лучшаго друга моего дѣтства—Матвѣя Густова. Слышалъ я потомъ, что онъ, поступивши послѣ наказанія на излѣченіе въ госпиталь, умеръ тамъ отъ скоротечной чахотки.

V.

Между тѣмъ мое ученье въ школѣ уже близилось къ концу, истекалъ послѣдній четвертый годъ моего курса въ этой школѣ.

Учился я сравнительно съ другими довольно порядочно, такъ что за всѣ четыре года ученья я всего только два раза былъ наказанъ розгами за незнаніе, или, лучше сказать, за непониманіе дѣленія дробей и за неправильное рѣшеніе одной ариометической задачи. Да разъ учитель отхлесталъ меня по лѣвой рукѣ линейкой за плохое чистописаніе.

А, вѣдь, многихъ изъ моихъ школьныхъ товарищей въ продолженіе четырехъ-то лѣтъ сѣкли по нѣскольку разъ на одной недѣлѣ,

били по рукѣ линейкой чуть не каждый день и ставили на цѣлые часы въ уголъ на колѣни.

И, несмотря на всѣ эти мученія, многіе изъ нихъ лишены были дальнѣйшаго образованія—поступленія въ окружное училище, и изъ школы должны были поступать въ работу на золотые пріиски. И счастливъ изъ нихъ былъ тотъ, кто по особой протекціи попадалъ на работы въ столярную, слесарную или въ кузницу въ самомъ заводѣ. Эти работы считались легкими и удобными потому, что мастеровой отбывалъ ихъ, не отлучаясь на цѣлую недѣлю отъ своей семьи, какъ это принуждены были дѣлать рабочіе на золотыхъ пріискахъ, уѣзжая на работы на цѣлую недѣлю изъ завода, живя тамъ въ общихъ грязныхъ казармахъ и видясь съ семьей только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Но для нѣкоторыхъ мальчиковъ преградою къ дальнѣйшему образованію служила не малоуспѣшность ихъ въ наукахъ, а неимѣніе у родителя средствъ къ содержанію сына въ другомъ заводѣ, въ которомъ находится окружное училище,—одно на весь округъ, состоящій изъ пяти или шести заводовъ, разбросанныхъ на довольно большомъ пространствѣ.

У меня былъ товарищъ по школѣ Галявинъ, весьма способный мальчикъ, блистательно выдержалъ онъ выпускной экзаменъ въ заводской школѣ, былъ зачисленъ въ ученики Златоустовскаго окружного училища; но по неимѣнію средствъ отецъ не могъ его къ сроку представить въ училище, не имѣлъ также никакой возможности заплатить за содержаніе сына на квартирѣ по полтора или по два рубля въ мѣсяцъ. И вотъ Галявина за неявкою исключили изъ списка учениковъ училища и включили въ число мастеровыхъ по столярному цеху, благодаря только оказаннымъ имъ способностямъ въ школѣ, а то попалъ бы на тяжелыя земляныя работы на одномъ изъ золотыхъ пріисковъ.

Это-то положеніе казеннаго подневольнаго человѣка, принужденнаго содержать своихъ дѣтей во время ихъ воспитанія на собственный счетъ, и было неизбѣжнымъ зломъ для способныхъ мастеровыхъ дѣтей, и много гибло ихъ въ кабакѣ отъ неудавшейся жизни.

VI.

Не задолго до перехода моего изъ заводской школы въ окружное училище у насъ въ заводѣ случилась еще одна неожиданная исторія. Жилъ-былъ у насъ въ заводѣ еще когда-то давно пріѣхавшій изъ Костромы или изъ Рязани, хорошенько не помню, мѣщанинъ, фамиліи его я никогда не слыхалъ, народъ же прозвалъ его «Радимычемъ» за его тягучую съ удареніемъ на буквѣ «а» рѣчь. Радимычъ пріѣхалъ къ намъ въ заводъ, какъ свободный человѣкъ, съ цѣлью заняться торговлей и для этой надобности снялъ

отъ заводоуправленія на базарѣ небольшую лавку, наполнилъ ее разными сластями и другими необходимыми съѣстными припасами и началъ свое дѣло. Благодаря его ловкому обращенію, мягкому, тягучему голосу и разнообразію лавочнаго товара, народъ до того привыкъ къ нему, что за всякою малостью бѣжалъ не къ кому либо иному, а къ Радимычу въ лавку.

Сначала Радимычъ жилъ довольно скромненько, арендовалъ на окраинѣ завода въ Кошелевкѣ у одного бобыля мастерового небольшой трехоконный деревянный домикъ. Потомъ домикъ этотъ пріобрѣлъ въ собственность, съ правомъ пользованія казенною землею подъ нимъ. Года черезъ два или черезъ три Радимычъ домикъ этотъ перестоилъ изъ трехоконнаго въ пятиоконный и зажилъ настоящимъ купцомъ, но ни лавки не перемѣнилъ, ни товару въ ней не прибавилъ.

— Поди жъ ты,—говорили сосѣди про Радимыча,—мастеръ же онъ деньгу наживать. Ни съ чего пошелъ, да и лавченка-то не Богъ вѣсть какая, а съ каждымъ годомъ въ гору идетъ.

— Поучи, Радимычъ, какъ деньгу надо зашибать,—пошутитъ, бывало, кто нибудь изъ сосѣдей;—ужъ больно ты, братъ, мастеръ на это.

— Эхъ, родимый,—отвѣчалъ бывало на эту шутку Радимычъ:—кабы ты зналъ да вѣдалъ, какъ мнѣ трудненько было спервоначалу-то у васъ на заводѣ: сухую корку приходилось глодать да водой запивать. Въ то время и Радимыча мало знали, а вотъ какъ Господь при неустанномъ трудѣ да при терпѣніи помогъ встать мнѣ на ноги, такъ всѣхъ васъ зависть начала заѣдать.

— Ты говоришь, родимый,—продолжалъ, бывало, тянуть своимъ сладенькихъ голоскомъ Радимычъ,—что надо умѣнье деньги наживать, что у тебя на это смекалки нѣтъ, а для этого, братецъ ты мой, наука-то самая простая имѣется: трудись, не ширься и каждый грошъ береги,—вотъ тебѣ и все.

Но такого рода умѣнью наживать деньги всѣ что-то плохо вѣрили и всѣми мѣрами старались разгадать секретъ Радимыча, но постигнуть этого никакъ не могли.

Всѣ знали и видѣли, что Радимычъ каждую осень ѣздилъ въ ближайшій уѣздный городъ Троицкъ, но думали, что ѣздилъ онъ въ этотъ торговый въ то время пунктъ по своимъ торговымъ дѣламъ, такъ какъ тамъ существовалъ мѣновой дворъ, на который осенью съѣзжалась масса азіатскихъ народовъ изъ Бухары, Хивы и даже иногда изъ Персіи съ своими фруктами и ягодами—изюмомъ, кишмишомъ, урюкомъ и т. п. Сбывая свой товаръ, они пріобрѣтали русскіе красные товары и другія издѣлія изъ металловъ и стекла.

Для наблюденія за этой пограничной торговлей въ Троицкѣ въ то время была учреждена и таможня съ массою въ ней служащихъ.

Жизнь на мѣновомъ дворѣ среди массы народовъ всякихъ національностей кипѣла ключемъ, и таможенной стражѣ съ казаками немало было хлопотъ въ осеннее время въ самый разгаръ торговли. Вотъ въ это-то время, а именно въ октябрѣ мѣсяцѣ, Радимычъ и отправлялся ежегодно въ Троицкъ.

За послѣдніе три года стали ходить смутные слухи о томъ, что Радимычъ будто бы скупаетъ краденое золото и сбываетъ его въ Троицкѣ въ Бухару, куда будто бы нашими хищниками сбывается золото въ большомъ количествѣ. Слухъ этотъ, доиедшій и до самого Радимыча, заставилъ послѣдняго быть въ высшей степени осторожнымъ.

Въ видахъ ли устраненія отъ себя всякихъ подозрѣній, или такъ вышло по его тайнымъ торговымъ дѣламъ, только въ послѣдній годъ Радимычъ неожиданно для всѣхъ уѣхалъ въ Троицкъ въ маѣ мѣсяцѣ, въ такое именно время, когда тамъ ему какъ будто и дѣлать было нечего. Черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда разнесся по заводу слухъ, что Радимычъ попался въ Троицкѣ съ золотомъ въ руки казаковъ и заключенъ подъ стражу. Сначала къ этому отнеслись въ заводѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, такъ какъ жена Радимыча преспокойно торговала въ лавкѣ, какъ всегда, и, повидимому, ни о чемъ не безпокоилась. Но когда Радимыча привезли по этапу подъ конвоемъ въ заводъ и заключили въ острогъ, и когда заводская полиція энергично приступила къ разслѣдованію его дѣла и къ допросу многихъ, оказавшихся прикосновенными къ тому дѣлу, пріисковыхъ рабочихъ, то всякое сомнѣніе на этотъ счетъ исчезло, и всѣ крайне заинтересовались подробностями этого дѣла.

Полиціи строжайше предписано было свыше принять всѣ мѣры къ разоблаченію способовъ хищенія съ пріисковъ золота. И вотъ что было тогда обнаружено.

Кража золота съ вашгерта, гдѣ оно окончательно промывается подъ карауломъ солдатъ и въ присутствіи всего пріискового начальства, собирается, просушивается и въ особомъ пакетикѣ послѣ взвѣшиванія опускается въ запечатанную металлическую кружку, для простого пріискового рабочаго не мыслима. Какимъ же образомъ золото попадаетъ въ руки послѣднихъ и черезъ посредство скупщиковъ, въ родѣ Радимыча, уходитъ за границу?

Вотъ за это-то изслѣдованіе и принялись не только полиція, но и все пріисковое начальство, начиная съ смотрителей, надзирателей пріисковъ и кончая штейгерами и нарядчиками.

Оказывается, что это хищеніе золота рабочими дѣлалось довольно простымъ способомъ. Доставляя изъ разрѣза добытый золотоносный песокъ на промывку, отстоящую отъ него иногда на разстояніи двухъ верстъ, рабочій отсыпаетъ понемногу этого песка по дорогѣ въ намѣченныхъ имъ мѣстахъ и вечеромъ по окончаніи

работъ собираетъ этотъ песокъ и промываетъ у себя въ балаганѣ ложкой въ деревянномъ корытѣ или чашкѣ, и такимъ образомъ крупинка по крупинкѣ у него въ концу недѣли, т.-е. къ субботѣ, накапливалось иногда и до ползолотника промытаго имъ такимъ образомъ золота. Все это, конечно, доступно было продѣлывать коннымъ рабочимъ, которые не помѣщались въ общихъ рабочихъ казармахъ, а имѣли свои балаганы, изъ которыхъ имъ удобнѣе было стеречь пасущихся на волѣ рабочихъ лошадей. Чтобы вывезти похищенное золото съ пріиска, когда въ субботу вечеромъ всѣ рабочіе съ пріисковъ отпускаются въ заводъ къ своимъ женамъ и дѣтямъ, хищникъ завернутое въ тряпочку золото зашиваетъ въ хомутъ или въ шлею лошади, на которой онъ ѣдетъ домой. При выѣздѣ съ пріиска каждаго мастерового тщательно обыскиваютъ сторожа и, конечно, не подозрѣвая, что золото зашито въ лошадиной сбруѣ, а не лежитъ въ карманѣ рабочаго, ничего не находятъ и пропускаютъ хищника съ золотомъ домой. Пріѣхавши домой, онъ на другой же день идетъ къ извѣстному ему скупщику краденаго золота и сбываетъ послѣднему за самую ничтожную плату добытое имъ за недѣлю золото. Радимычъ, какъ оказалось по дѣлу, скупалъ это золото подъ названіемъ мака, и всякій, приходя къ нему съ такимъ золотомъ, предлагалъ купить у него макъ, собранный якобы въ достаточномъ количествѣ на огородѣ, и, не стѣсняясь постороннихъ, торговался съ Радимычемъ о цѣнѣ на этотъ макъ. Сговорившись въ цѣнѣ, Радимычъ платилъ деньги, а хищникъ тайкомъ приносилъ ему золото, которое тотъ пряталъ въ особое помѣщеніе подъ ящикъ съ макомъ. Много тогда людей вмѣстѣ съ Радимычемъ угодило въ острогъ.

Разслѣдуя это дѣло, полиція совершенно неожиданно натолкнулась и еще на одно важное преступленіе по поводу хищенія золота. Она открыла настоящую фабрику золотой монеты въ подвальномъ помѣщеніи одного слесарнаго мастера Дороѳеева, человѣка уже пожилого и всѣми въ заводѣ уважаемаго за его честность и доброе отношеніе къ людямъ. Фабрика его оказалась настолько усовершенствованною и приспособленною къ производству золотой монеты, что чеканка ея на этой фабрикѣ нисколько не отличалась отъ государственной. На допросѣ Дороѳеевъ объяснилъ, что его монета по цѣнности своей нисколько не уступитъ государственной, такъ какъ въ виду дешовой покупки золота у пріисковыхъ рабочихъ ему не было надобности примѣшивать къ его монетѣ очень много лигатуры. Чеканка же этихъ монетъ представляла для него весьма удобный способъ сбывать скупаемое имъ краденое золото. Этотъ способъ, по его мнѣнію, былъ самый невинный и не представлявшій никакой опасности для него и вреда для государства и, если бы его полиція не накрыла такъ неожиданно на мѣстѣ производства этой монеты, то послѣдняя всегда ходила бы за настоящую и принималась бы даже въ казначействахъ.

Такъ-то пользовались въ былое время золотыми пріисками мѣстные обыватели, несмотря на весьма строгое наказаніе шпицрутенами и ссылку въ Сибирь за хищеніе золота. Но откуда же бѣдному мастеровому въ казенной работѣ можно было заработать лишній грошъ на свои насущныя нужды. Весь его трудъ тогда принадлежалъ казнѣ. Вотъ и шелъ человѣкъ на опасное дѣло, нисколько не считая его преступнымъ и противорѣчащимъ требованіямъ собственной совѣсти. Напротивъ, каждый мастеровой понималъ, что, если человѣкъ занимался не позволеннымъ способомъ добыванія золота, то дѣлалъ это не ради себя и не изъ прихоти, а старался для семьи своей, для ея благополучія. Свой рабочій братъ, говорили мастеровые, никогда не осудитъ за такое дѣло попавшаго подъ судъ несчастнаго неудачника, и дѣйствительно сочувствіе ихъ къ такимъ острожникамъ горячо проявлялось въ приношеніи имъ всего лучшаго и вкуснаго со стола рабочаго мастерового но праздничнымъ днямъ.

VII.

Всѣ эти событія произошли почти что наканунѣ моего отъѣзда въ Златоустъ въ окружное училище. Наступилъ августъ 1859 года, и мать моя усиленно занялась приготовленіемъ мнѣ необходимаго бѣлья, постельныхъ принадлежностей и вообще всего того, что можетъ понадобиться и пригодиться мальчику на чужой сторонѣ. Хотя эта чужая сторона и была отъ нашего завода не больше какъ верстъ за сорокъ, а то и того менѣе, но я покидалъ свой родной заводъ еще въ первый разъ въ моей жизни, а мать отпускала своего малолѣтняго сына за десятки верстъ въ чужіе, незнакомые ни ей ни ему люди также въ первый разъ. Все это не могло не волновать насъ и не омрачать нашего настроенія духа. Отецъ хотѣлъ казаться вполнѣ спокойнымъ и веселымъ, но не всегда это ему удавалось. Незамѣтно для себя онъ вдругъ глубоко задумывался и затѣмъ, очнувшись, спрашивалъ уже неоднократно мать, все ли мнѣ изготовлено въ достаточномъ количествѣ, не забыла ли она то того, то другого. День отъѣзда былъ назначенъ 15-го августа рано утромъ. Для отца не было болѣе удобнаго дня для устройства меня въ Златоустѣ, такъ какъ цѣлый этотъ день, какъ праздникъ Успенія, у него былъ свободный отъ службы, а къ утру слѣдующаго дня онъ имѣлъ полную возможность вернуться домой.

Когда меня разбудили въ 4 часа утра, лошади были уже готовы, всѣ пожитки мои уложены въ повозку, отецъ тоже былъ совсѣмъ одѣтъ и готовъ къ отъѣзду. Остановка была только за мною. Я наскоро умылся, одѣлся и помолился Богу. Затѣмъ отецъ и мать сѣли на лавку и меня посадили рядомъ съ собой, какъ бы

отправляя въ дальнюю и неизвѣстную дорогу. Братишки и сестренка мои крѣпко еще спали. Но вотъ отецъ съ матерью поднялись съ лавки, я послѣдовалъ ихъ примѣру, обернулись всѣ къ иконамъ и стали молиться. По окончаніи молитвы мать, обливаясь слезами, благословила меня и поцѣловала на прощаньи, я тоже не выдержалъ и горько заплакалъ, выходя на дворъ и садясь въ повозку. Одинъ отецъ только, повидимому, былъ спокоенъ, онъ сѣлъ вслѣдъ за мною въ повозку и, перекрестившись, сказалъ: «Ну, Иванъ, трогай съ Богомъ». И мы выѣхали со двора, мать дѣлала намъ вслѣдъ крестныя знаменія.

Трудно выразить то чувство, которое охватило меня, когда родной мой заводъ, въ первый еще разъ покидаемый мною надолго, скрылси изъ моихъ глазъ. Какъ будто что-то сжалось, заныло въ груди, хотѣлось снова плакать. Но новизна дороги, красивые пейзажи, смѣнявшіеся одинъ за другимъ, скоро увлекли меня своею прелестью. Я началъ во все внимательно всматриваться кругомъ и совершенно забылъ о своемъ дѣтскомъ горѣ. Дѣтская душа была увлечена красотами природы, и всякія житейскія невзгоды далеко отодвинулись на задній планъ.

Но вотъ начался и подъемъ на Уралъ, лошади замедлили свой шагъ, съ обѣихъ сторонъ дороги насъ обступилъ дремучій лѣсъ, а впереди все выше и выше поднималась дорога, какъ будто упираясь въ небо. «А долго мы еще этакъ въ гору-то будемъ ѣхать?»—спрашиваю я Ивана.—«Потерпи маленько, черезъ часикъ подымемся на самую верхушку, тогда ужъ дорога-то веселѣе пойдетъ»,—отвѣтилъ мнѣ Иванъ.—«Тамъ ты и Златоустъ увидишь,—сказалъ мнѣ отецъ:—хотя до него еще останется не менѣе 15 верстъ».

Подстрекнуло все это любопытство мое до того, что эта глухая дорога, безъ всякаго просвѣта въ ту или другую сторону, съ дремучимъ лѣсомъ и высокими горами вокругъ, казалась мнѣ безконечною и крайне скучною. Скоро ли, думаю, верхушка-то будетъ? Нѣтъ, дорога все подымается еще выше и выше, какъ будто этому подъему и конца не будетъ. Иванъ сказалъ: потерпи съ часокъ, а мнѣ казалось, что уже и болѣе двухъ часовъ прошло, а верхушки Урала нѣтъ, какъ нѣтъ.

Но вотъ лѣсъ по сторонамъ началъ мало-по-малу рѣдѣть, отступая все дальше и дальше отъ дороги; кругозоръ началъ расширяться, утесы горъ, обступавшіе дорогу, оставались гдѣ-то позади насъ внизу; инстинктивно чувствовалось, что выше насъ уже нѣтъ ни горъ, ни утесовъ, одно только небо высится надъ нами.

— Вотъ сейчасъ и вершина будетъ,—сказалъ Иванъ,—внизу по ту сторону горы ты увидишь и Златоустъ, а позади насъ далеко, далеко будетъ виденъ сквозь дымку и нашъ заводъ.

Проговоривъ это, Иванъ указалъ мнѣ кнутомъ на лежавшій впереди на разстояніи четверти версты отъ насъ въ сторонѣ отъ

дороги громадный камень. Около этого камня стоялъ полосатый столбъ.

— Вотъ съ того самаго мѣста и будетъ тебѣ ширина и даль, смотри, куда хочешь, все тебѣ будетъ видно, и все покажется близко,—предупредилъ меня Иванъ, и видимо самъ нѣсколько оживился отъ предстоящей его взорамъ картины.

Отецъ откашлялся и объяснилъ мнѣ, что тотъ полосатый столбъ, который стоитъ около камня, обозначаетъ границу между Европою и Азіею, и что горная сопка, возвышающаяся съ правой стороны дороги, противъ того столба, называется «Александровскою», и съ этой сопки государь Александръ II-й, будучи наслѣдникомъ, во время своего путешествія по Уралу, любовался чуднымъ видомъ этихъ горъ и ихъ окрестностями. Да, волшебный, чудный видъ вдругъ развернулся предъ моими глазами. Все какъ-то близко показалось подъ моими ногами, и въ то же время чувствовался необъятный широкій просторъ. Позади насъ въ дальней синевѣ виднѣлся мой родной заводъ со столпившимися около него Ильменскими горами, а впереди на яркомъ солнцѣ совершенно отчетливо блестѣлъ своею бѣлизною Златоустовскій соборъ; вправо отъ него раскинулись громадныя, каменныя заводскія фабрики, также блистающія своею бѣлизною, а впереди этихъ фабрикъ къ намъ навстрѣчу, теряясь въ горахъ, сверкалъ зеркаломъ заводскій обширный прудъ. Разбросанные по бокамъ обступающихъ заводъ со всѣхъ сторонъ высокихъ горъ домики заводскихъ жителей казались какими-то маленькими птичьими гнѣздышками. На одномъ изъ холмовъ въ самомъ центрѣ завода, позади собора, возвышалась еще каменная высокая церковь. До насъ доносился благовѣстъ соборнаго колокола, призывающій къ праздничной обѣднѣ народъ. Властно гудѣлъ этотъ колоколъ, далеко разнося свои звуки по водной поверхности обширнаго заводскаго пруда. И маленькимъ мнѣ показался противъ этого колокола нашъ заводскій большой колоколъ, больше котораго я до тѣхъ поръ не видалъ и громче котораго не слыхалъ. Такъ вотъ въ какомъ большомъ заводѣ я буду жить среди чужихъ людей, подумалъ я, и сердце невольно сжалось отъ предстоящей невѣдомой для меня жизни. Но въ то же время мое вниманіе поразила, возвышаясь справа отъ дороги какимъ-то гигантскимъ кресломъ, Александровская сопка, съ которой видъ еще шире и необъятнѣе. Съ этого-то Уральскаго кресла когда-то любовался чудною уральскою картиною покойный Царь-Освободитель.

Впереди, на далекомъ пространствѣ, хотя обманывая глазъ кажущеюся близостью, угрюмо возвышались три Таганайскія сопки на подобіе сахарныхъ головъ, поросшія, какъ щетиною, густымъ сосновымъ лѣсомъ и уходящія своими вершинами подъ облака.

Да, дѣйствительно, чудная картина представляется глазамъ путника на этомъ рубежѣ между Европою и Азіею. Далѣе начался постепенный довольно отлогій спускъ съ Урала къ Златоусту, и чудный видъ скрылся изъ глазъ. Опять обступили дорогу высокіе утесы, покрытые сосновымъ лѣсомъ, и опять потянулась впереди, извиваясь змѣею, узкая желтая лента дороги.

VIII.

По пріѣздѣ въ Златоустъ отецъ тотчасъ же отправился къ своему знакомому приказному, къ которому намѣревался помѣстить меня на хлѣбы. Долго ждалъ я его на почтовомъ дворѣ, гдѣ мы остановились, не рѣшаясь выйти за ворота и прогуляться по заводу изъ боязни заблудиться въ незнакомыхъ мнѣ улицахъ. Наконецъ, часовъ въ 12 дня отецъ возвратился вполнѣ довольный тѣмъ, что пристроилъ меня на квартиру и побывалъ даже у смотрителя училища, который сообщилъ ему, что я принятъ въ училище по успѣхамъ, сравнительно съ другими заводскими школами, 21-мъ ученикомъ. Это послѣднее извѣстіе меня очень опечалило,— ужъ слишкомъ оказался я слабымъ ученикомъ противъ учениковъ другихъ школъ. Изъ нашей же заводской школы въ тотъ годъ я только одинъ и удостоился перевода въ окружное училище. Отецъ утѣшалъ меня тѣмъ, что, если я хорошо буду учиться, то въ скоромъ времени могу сдѣлаться даже и первымъ ученикомъ въ классѣ. Къ вечеру меня перевезли на постоянную мою квартиру къ знакомому приказному отца, человѣку еще очень молодому, веселому и привѣтливому, съ ласковой молодой женой и двухлѣтнимъ сынишкой. Домъ его оказался въ Уреньгѣ, почти на самомъ верху горы и довольно далеко отъ училища. Но это неудобство искупалось тѣмъ, что за квартиру эту со столомъ и бѣльемъ съ меня брали только 1 рубль 50 коп. въ мѣсяцъ, съ прибавкою моего пайка— двухъ пудовъ ржаной муки въ мѣсяцъ, который я долженъ былъ получать изъ казеннаго магазина, какъ уже ученикъ окружного училища.

Скоро свыкся я съ своими хозяевами, познакомился съ товарищами по училищу, и жизнь моя потекла, хотя и однообразно, но нескучно, для моихъ дѣтскихъ лѣтъ. День до обѣда проходилъ въ школѣ, а вечеромъ, послѣ приготовленія уроковъ, ко мнѣ собирались по близости живущіе два, три товарища, и мы пѣли пѣсни, играли на гармоникахъ, или сражались въ свои козыри. Школьная же жизнь ничѣмъ не отличалась отъ жизни въ заводской школѣ, съ тою развѣ только разницею, что здѣсь установлено было дежурство изъ двухъ учениковъ I-го и II-го классовъ, изъ каждаго класса по одному на каждыя сутки, такимъ образомъ на дежурствѣ приходилось сталкиваться въ качествѣ младшаго дежур-

наго съ довольно таки взрослыми юношами старшаго класса, большинство которыхъ уже курили табакъ, пили водку и играли въ стуколку на деньги. Все это развращающимъ образомъ дѣйствовало на большинство изъ насъ, молокососовъ, заражающихся тѣмъ же ухарствомъ и беззаботностью, подвергаясь часто за это наказанію розгами и нисколько не смущаясь этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Да еще разница была въ томъ, что по субботамъ насъ въ 4 часа по полудни гоняли на ученье въ солдатскую казарму, гдѣ солдаты обучали насъ въ присутствіи надзирателя нашего училища маршировкѣ и различнаго рода построеніямъ въ колонны, ряды, карре и т. д. Хотя это послѣднее занятіе при строгомъ учителѣ солдатѣ и не совсѣмъ бывало пріятно, а подчасъ и тягостно, но все же до нѣкоторой степени разнообразило школьную жизнь.

IX.

Быстро и незамѣтно прошелъ первый годъ пребыванія моего въ училищѣ. Я уже вмѣсто 21-го былъ 7-мъ ученикомъ въ классѣ и за такое повышеніе немало имѣлъ завистниковъ между товарищами. Съ великою радостью поѣхалъ я домой на страду, такъ звали у насъ въ то время лѣтнія каникулы. Съ гордостью и сознаніемъ собственнаго достоинства, какъ уже взрослый человѣкъ, прибылъ я въ свой родной заводъ. Въ нашей заводской школѣ занятія еще не прекращались, и я на другой же день по пріѣздѣ домой направился навѣстить своихъ прежнихъ школьныхъ товарищей и повидать учителя, который теперь для меня совсѣмъ уже не былъ страшенъ, и съ которымъ я теперь могъ говорить совершенно свободно, какъ равный съ равнымъ. Школьники при появленіи моемъ во время перемѣны бросились ко мнѣ и съ любопытствомъ начали разспрашивать про окружную школу, про учителей и про строгости ихъ. Я снисходительно удовлетворялъ ихъ любопытство, сгущая намѣренно краски относительно строгости учителей и трудности ученія. Но вотъ передъ окончаніемъ перемѣны вошелъ въ классъ и учитель и, протянувши мнѣ съ улыбкой руку, поздоровался со мной и началъ въ свою очередь разспрашивать о смотрителѣ училища, объ его характерѣ и отношеніяхъ къ другимъ учителямъ. Знать все это ему любопытно было потому, что смотритель окружного училища былъ непосредственный начальникъ всѣхъ заводскихъ школъ въ округѣ. Еще болѣе почувствовали школьники ко мнѣ уваженія, когда увидали это учтивое обращеніе со мною своего учителя, говорившаго со мною на «вы». Да и самъ я вдругъ какъ-то выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Быстро пролетѣло въ родномъ домѣ на свободѣ это лѣтнее страдное время, и я снова очутился въ окружной школѣ и быстро втянулся въ свои обычныя занятія. Но передъ наступленіемъ зимы

въ тотъ годъ въ народѣ и среди приказныхъ мало-по-малу стали раздаваться слухи о какой-то «волѣ», какъ о фактѣ, который непремѣнно скоро долженъ наступить.

Услыхавши объ этомъ и не понимая хорошенько, что такое «воля», я инстинктивно почувствовалъ, что это должно быть что-то очень хорошее. Вѣроятно, не нужно будетъ по ночамъ дежурить въ училищѣ, не нужно будетъ ходить въ солдатскихъ шинеляхъ въ казармы для обученія военной службѣ; да и многое, что мнѣ казалось непріятнымъ въ моей школьной жизни, — съ наступленіемъ воли должно было устраниться само собою. Но всего громаднаго значенія этой грядущей воли въ моей будущей жизни я тогда ни понять, ни представить себѣ приблизительно не могъ.

Интересны были разговоры объ этой наступающей волѣ въ средѣ мастеровыхъ и приказныхъ. Они, повидимому, также не могли представить себѣ отчетливо свое положеніе на волѣ. Между мастеровыми, напримѣръ, мнѣ удалось услышать тогда слѣдующій разговоръ:

— Заладили всѣ про эту волю болтать,—говорилъ одинъ захудалый мастеровой, сидя на заваленкѣ у сосѣда въ компаніи съ другими мастеровыми, кончая свой рабочій день взаимною вечернею бесѣдою:—а вѣдь того не подумаютъ, что эта воля-то имъ дастъ? Ну, буду я, скажемъ, вольный человѣкъ, значитъ, ступай на волю, куда хочешь, и живи, какъ знаешь. Отберутъ у тебя паекъ, отнимутъ покосы и огороды, и останешься не при чемъ. Не знаю, лучше ли будетъ при волѣ-то противъ того, какъ я теперь живу.

— Эхъ, ты, голова съ мозгомъ,—возражаетъ другой,—не знаетъ, куда ему съ волею дѣваться! Да вольный человѣкъ, если у него голова на плечахъ есть, вездѣ себѣ хлѣбъ найдетъ; да на такой работѣ, которая ему по сердцу и сподручнѣе, а не въ жидели али на домнѣ день и ночь торчать. А, коли въ головѣ у тебя мозгу мало, то и оставайся въ этой домнѣ около чугуна или въ жидели около золота, и при волѣ тамъ люди тоже нужны будутъ. Стало быть, и при волѣ, какой ты захордяшный ни будь, съ голоду все равно не пропадешь.

Разговаривалъ я объ этой волѣ и съ своимъ хозяиномъ, желая съ его помощью уяснить себѣ значеніе ея. Но и онъ ничего мнѣ тогда опредѣлительнаго сказать не могъ и тоже относился съ какимъ-то недоумѣніемъ ко всѣмъ слухамъ о предстоящей волѣ.

— Не знаю,—говорилъ онъ,—какъ это будетъ, и что изъ этого выйдетъ. Вотъ я теперь приказный и занимаю соотвѣтственное моему положенію мѣсто, и никто у меня этого мѣста не отниметъ, потому что я приказный, горнозаводскій человѣкъ, и вольному человѣку итти на это мѣсто нѣтъ никакой выгоды, такъ какъ казна больше того жалованья, которое платитъ мнѣ, ему не дастъ; опять таки потому, что у нея для этого свои приказные есть. Теперь моя

служебная линія до самой моей смерти видна мнѣ и ясна, а что будетъ тогда, когда я буду совсѣмъ вольный человѣкъ, какъ и всѣ, не могу тебѣ сказать. Заводское начальство не будетъ тогда заботиться о томъ, чтобы я, по званію, урядникъ, не остался безъ мѣста и не умеръ съ голоду, такъ какъ урядниковъ тогда совсѣмъ не будетъ, а всѣ они и на горныхъ заводахъ будутъ называться канцелярскими служителями, а этихъ канцелярскихъ-то служителей по всей-то Россіи и до Москвы не перевѣшаешь.

А я, слушая его рѣчи, думалъ про себя: нѣтъ, для меня воля сулитъ какъ будто что-то другое. Вѣдь я-то ужъ во всякомъ случаѣ, стало быть, урядникомъ горнозаводскимъ не буду, а буду чѣмъ-то другимъ. А кѣмъ же въ самомъ дѣлѣ я буду, отъ кого это будетъ зависѣть? Я думаю, что отъ меня самого, такъ какъ я буду человѣкъ вольный, а вольному и дорога вольная.

X.

Такъ-то вотъ разсуждали тогда горнозаводскіе люди о предстоящей имъ неизвѣстной волѣ, ждали ее съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы застывши и не рѣшаясь предпринять какого бы то ни было шага въ своей дальнѣйшей жизни до появленія этой воли.

А вотъ и она! Всколыхнулся ея живою волною весь русскій міръ. Настало 19-е февраля 1861 года—свобода всей Русской земли. Не помню, котораго именно числа въ февралѣ мѣсяцѣ пришелъ тогда въ Златоустъ манифестъ о волѣ, но только, какъ сейчасъ, помню, что однажды утромъ вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ и загудѣлъ большой колоколъ въ соборѣ.

Насъ, учениковъ, и рабочій людъ распустили и приказали итти въ соборъ къ обѣднѣ и слушать манифестъ о волѣ.

Нечего и говорить, что послѣ вѣсти о волѣ, раздавшейся въ храмѣ Божіемъ съ амвона предъ царскими дверями, народъ почуялъ, что не нужно теперь бояться ни управителей, ни поденныхъ надзирателей, ни штегерей, ни смотрителей—говори теперь съ каждымъ изъ нихъ свободно и независимо. Рады были и поденные надзиратели и всѣ подобные имъ, зная теперь, что съ накопленными деньженками и они на вольномъ-то свѣтѣ будутъ играть не послѣднюю роль, и ихъ свободная пѣсня еще впереди.

Всякія разногласія относительно воли совершенно прекратились. Всѣ, наконецъ, поняли и оцѣнили ея значеніе. Каждый почувствовалъ въ себѣ необычайный подъемъ духа и энергію къ труду.

Вскорѣ затѣмъ получилъ я отъ отца письмо, присланное имъ съ подводчикомъ за мною. Въ этомъ письмѣ онъ писалъ, чтобы я ѣхалъ со всѣми пожитками домой, что по казенной почтѣ имъ

послано уже прошеніе смотрителю училища объ увольненіи меня изъ учениковъ окружной школы.

Нечего и говорить, что какъ только подводчикъ мой успѣлъ выкормить лошадей, такъ я уже готовъ былъ къ отъѣзду и, не вѣря себѣ, что совсѣмъ покидаю Златоустъ и его окружное училище, что я уже не окружникъ, а просто свободный человѣкъ, съ радостнымъ сердцемъ выѣхалъ въ тотъ же день домой.

А дома меня поразила еще новая радостная вѣсть—я долженъ былъ, не теряя времени, готовиться къ поступленію въ Екатеринбургскую гимназію.

О! съ какимъ жаромъ принялся я за изученіе французскаго языка при помощи одной, когда-то бывшей горнозаводской аристократки, а теперь бѣдной проживающей на скудной пенсіи, старушки. Изъ русскихъ предметовъ я готовъ былъ и въ третій классъ гимназіи, а вотъ, за совершеннымъ отсутствіемъ знанія французскаго языка, мечталъ попасть хотя бы во второй только классъ.

Такъ съ упорнымъ стараніемъ я прозанимался все лѣто и къ августу мѣсяцу зналъ уже слова и переводы до двадцати параграфовъ по «Марго», и надежда на поступленіе въ гимназію стала крѣпнуть во мнѣ съ каждымъ днемъ.

Слѣдуя примѣру отца, и еще его двое сослуживцевъ вздумали помѣстить со мною вмѣстѣ въ гимназію и своихъ сынковъ, приготовивши ихъ въ первый классъ, такъ какъ каждому изъ нихъ было по 10 лѣтъ отъ роду. И вотъ въ половинѣ августа мы на трехъ подводахъ выѣхали изъ завода въ сопровожденіи всѣхъ своихъ семейныхъ, родныхъ и заводскихъ знакомыхъ, которые далеко провожали насъ за заводъ до Ильменя озера. Здѣсь остановились и на берегу озера расположились попить чайку на прощанье. Разложили костеръ, наставили нѣсколько самоваровъ, разостлали на полянѣ ковры, разложили на нихъ закуски, лакомства и бутылки съ выпивкой, и началось пированье. И ничуть не удивительно было это торжество, такъ какъ отъѣздъ нашъ въ Екатеринбургскую гимназію составлялъ первое небывалое событіе въ лѣтописяхъ нашего завода. «Еще бы,—говорили всѣ,—наши заводскіе служащіе везутъ своихъ ребятишекъ въ гимназію!» Да, кто смѣлъ бы подумать объ этомъ только годъ тому назадъ? Какъ же тутъ нашимъ роднымъ и знакомымъ было не пировать, не радоваться! И мы, мальчуганы, несмотря на предстоящее долгое разставаніе съ родными, были веселы и бодры. Новая предстоящая намъ жизнь въ большомъ городѣ, въ гимназіи, среди благородныхъ дѣтей, страшно занимала насъ и разжигала наше любопытство. О, что-то будетъ впереди? О однако надо поскорѣе ѣхать, чтобы не опоздать къ экзаменамъ. Прощайте, родные и знакомые, прощайте, родныя горы и Ильмень, ѣдемъ по новому и свободному пути впередъ!

Но вотъ мы и въ Екатеринбургѣ. Городъ поразилъ не только насъ, но и родителей нашихъ своею обширностью, обиліемъ колоколенъ и большихъ каменныхъ домовъ.

Остановились мы за неимѣніемъ знакомыхъ въ городѣ и для соблюденія экономіи на постояломъ дворѣ. Это было рано утромъ. Напившись чаю и почистившись съ дороги, родители наши начали собираться къ директору гимназіи, къ лицу, высоко стоящему въ ихъ глазахъ на служебной лѣстницѣ.

Директоръ принялъ ихъ чрезвычайно ласково, далъ имъ образецъ, по которому они должны были написать прошенія о допущеніи насъ къ пріемнымъ экзаменамъ, съ приложеніемъ извѣстныхъ документовъ, назначивъ имъ часъ утра слѣдующаго дня, къ которому насъ должны были доставить въ гимназію для испытаній. Однимъ словомъ родители возвратились веселые и ободренные, восторгаясь пріемомъ и обращеніемъ директора.

— Что значитъ образованный-то человѣкъ,—говорили они между собою,—не чета какому нибудь нашему смотрителю, а гляди-ка, какъ обходится-то съ нашимъ братомъ,—слава тебѣ, Господи, наконецъ-то и мы въ люди попали.

Страшенъ казался намъ, мальчуганамъ, завтрашній день, рѣшающій нашу судьбу, но мы бодрились другъ передъ другомъ и умалчивали о своихъ опасеніяхъ и сомнѣніяхъ.

Однако всему бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и нашимъ испытаніямъ. Надежды наши сбылись, — я гимназистъ второго, а товарищи перваго класса.

Къ отъѣзду нашихъ родителей расторопный портной очень красиво сшилъ мнѣ въ два дня форменный съ краснымъ въ то время воротникомъ и свѣтлыми пуговицами гимназическій сюртукъ, и я съ своими товарищами, веселый и самодовольный, гордо шагалъ въ новой формѣ по улицамъ города, по направленію къ базару, гдѣ родители накупили намъ на прощанье массу кедровыхъ шишекъ и другихъ лакомствъ.

Но, несмотря на возбужденный во мнѣ интересъ къ кедровымъ шишкамъ и новой гимназической формѣ, меня ни на минуту не покидала въ тотъ день мысль: «Такъ вотъ она, когда начинается воля-то моя. Теперь все зависитъ отъ самого себя, дорога впереди и широкая и просторная, не робѣй и иди по ней, достигай своей цѣли, ибо свободный трудъ все превозмогаетъ».

При воспоминаніи обо всемъ этомъ глаза мои невольно обращаются къ образу съ крестнымъ знаменіемъ и словами: «Вѣчная память тебѣ, великій Царь-Освободитель. Многимъ открылъ ты своимъ могучимъ словомъ путь къ свѣту и знанію и обновилъ человѣческія души. Да будетъ памятенъ всѣмъ на будущія времена великій историческій въ Россіи день 19 февраля 1861 года».

Е. К. Савельевъ.